

НАВЕРНОЕ, у ловцов счастья, бегающих по набережной Фонтанки и спрашивающих: «Нет ли лишнего билета?», наверное, у них бывает радостный момент, когда кто-то говорит им: «Есть». Я избежала этих очередей, потому что народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий Георгий Александрович Товстоногов — главный режиссер Ленинградского академического Большого драматического театра имени Горького, не сказал, а приказал мне: «Позвоните!» и билет оставлю на любую премьеру». Признаюсь, я не стеснялась звонить, когда жила и училась в Ленинграде. Так я посмотрела немало спектаклей.

Товстоногов всегда интересовался после спектакля: «Ну как?»

Всегда я отвечала эпитетами в превосходной степени... Иногда и сама спрашивала Георгия Александровича:

— За что вы любите спорт?

— Наверное, за те качества, которых нет у меня. Ведь человек всегда стремится к совершенству. Футбол и хоккей люблю за их азарт. В отличие от театрального зрелища здесь никогда не известно, каков будет финал. Теннис люблю за пластику, этику игры, которая, пусть это не покажется парадоксальным, представляется мне близкой к сценической. На теннисном корте, как и на сцене, каждое движение должно быть рациональным, точным и эстетичным. А любимый мой спортсмен — хоккеист Фирсов.

— А сами вы занимаетесь спортом?

— Когда-то играл в теннис. Сейчас выхожу на корт время от времени.

— За последнее время стало модным сравнивать искусство и спорт, театр и спорт. Каково ваше мнение? — спрашиваю.

— С чем только театр не сравнивали? — улыбался Товстоногов. — Сравнивали со школой, с кафедрой. Теперь — со спортом. Всякое сравнение, как говорится, хромает... Театр и спорт... Обе эти сферы человеческой жизни можно назвать своеобразной школой. Той школой, где не задают уроков и не требуют запоминаний. В этой школе нет учителей и учеников. С высокой кафедры — сцены или спортивной арены вопреки школьному этикету подсказывают зрителям и болельщикам ответы. И чем незаметнее эта подсказка, тем лучше «ученики» зрители воспринимают «урок» — спектакль или драматичное хоккейное сражение. Театр и спорт — это школа, в которой учатся с удовольствием, учатся, не замечая того, что учатся. Как катастрофически падает посещаемость наших стадионов в дни нинных матчей чемпионата страны по футболу! А почему? Да потому, что любителям спорта нетворческий футбол не нужен.

Театр и спорт — зрелище. Театр и спорт — праздник. Театр и спорт — развлечение. Все это тоже верно, но тоже в очень своеобразном смысле. На этом празднике не только вдохновляются, но и плачут, волнуются и страдают, решают философские проблемы. Театр и спорт обязаны быть праздником и зрелищем, увлекательным и интересным...

Когда Товстоногов расспрашивал меня о методах работы Виктора Ильича Алексеева и я с восторгом рассказывала о щедрости учителя, о его изобретательном уме, Георгий Александрович замечал:

— Расставаться с традицией трудно и опасно. Пропотанная тропа всегда приведет тебя куда-то. Но прокладывать новую тропку уди-

вительно интересно. Перед тобой непрерывно открываются новые, неожиданные пейзажи, и привычный мир вновь выглядит новым.

Это происходит, когда удается прочесть старую пьесу так, будто читаешь ее впервые. Когда удается забыть в общем правильные, но уже хрестоматийные определения...

Ведь стоит произнести слово «Чацкий», как в памяти встают шеренги красавцев, стройных, страстных и непримиримых... Но вот мне удалось вытолкнуть из головы с детства привычный образ Чацкого, и я увидел совсем другое лицо. Лицо юное и отнюдь не красивое. Он ско-

играл матч на звание чемпиона мира по шахматам...

Леонид Генрихович вернулся из Театра эстрады, где игралась последняя партия, расстроенным.

— Вы очень болели за Петросяна? — спросила я.

— Это хороший чемпион, труженик, аналитик, мудрец, — ответил Зорин. — Может быть, он не все мог, но он все понимал, и пока шла партия, каждое из шестидесяти четырех полей было для него не просто черным или белым квадратиком, а живой болевой точкой, которая тотчас же отзывается, если на нее ступишь. Он знал все секреты позиции — возможно, ему это да-

просто с футболом, а с какой-то частью его биографии, с тем, что составляло до сих пор смысл его жизни.

Такой меры драматизма человеческой судьбы, по правде говоря, еще не было в наших фильмах о людях спорта...

Мне доводилось видеть состояние Зорина после работы.

— У вас температура? — спрашивала я.

— Все есть в голове — и ничего не вытанцовывается на бумаге.

В такие вечера он бывал грустным и молчаливым. Даже в шахматы играл с неохотой. И обычно в эти часы просил:

— Расскажите еще что-нибудь...

Слушать он любил. Вообще я не встречала в жизни человека, который умел бы так слушать других.

Этот его талант блестяще проявился в интервью, которое Леонид Зорин взял у заслуженного тренера СССР Константина Бескова. В этом интервью Зорин задает всего несколько вопросов. Но каких вопросов! Тех, которые вызывают Бескова на откровенный, задушевный разговор. Судите сами:

— Позволь задать один сутобо личный вопрос, — говорит Зорин. — Любители футбола, от которых ничто не укроется, уже знают, что у твоей дочери Любы и Владимира Федотова родился сын Гриша. Что ты скажешь о внуке Григория Федотова и Константина Бескова? Будет ли Григорий Федотов-младший напоминать своих дедов?

— Не станем спешить с прогнозом, — отвечал Бесков, — но должен сказать, что в свои два с половиной года Григорий Федотов-младший подает определенные надежды. Он уже водит мяч, бьет левой и правой и довольно лихо выбивает с рук...

А знаете, зачем журналист Зорин задал Бескову вопрос о внуке? Он понимал, что Константин Иванович обязательно от забот своего внука перейдет к проблемам детского футбола... Так оно и получилось.

— Вообще детский футбол — это единственная основа будущих успехов. Чем раньше начинается обучение, тем оно плодотворнее. Пловцы и гимнасты уже давно это поняли.

Далее Зорин напомнил Бескову, заодно и читателям, что Константин Иванович сорок лет своей жизни отдал футболу. Целая жизнь! Много пережито, постигнуто, выношено.

— Целая жизнь, ты прав, — ответил Бесков. — И самое простое в ней то, что твоя работа уходит вместе с тобой. Я много говорил о сходстве наших профессий, но, увы, есть и различия. Вот у меня книга твоих пьес, их всегда можно перечитать, а матчи, которые я провел или запрограммировал, не переиграешь...

Грустная концовка интервью... Действительно, никто не вернет спортсменам их лучших бросков и прыжков, неповторимых ударов по воротам. Никто не вернет и молодости. Но все же все лучшее, что спортсмены отдадут спорту, остается в благодарной памяти. И Григорий Федотов отчасти повторился в своем сыне Владимире Федотове. А Константин Бесков и Григорий Федотов, как мечтает дедушка, повторяются в своем внуке, Григории Федотове-младшем...

Здесь снова слышна тема «Секундомера» — боль людей, которые видят часовую стрелку и решают вопрос: хвататься ли за нее, просить ли у времени подачку?

Тамара ПРЕСС,
заслуженный мастер спорта, чемпионка Олимпийских игр.

искусство и спорт

ПОБЕДЫ ДЕЛАЮТ НАС СЧАСТЛИВЕЕ

рее нескладный, чем стройный. Может быть, он не стал гвардейским офицером просто потому, что близорук. Да, да, он в очках. Как сам Грибоедов... Он несчастен потому, что оказался впереди своего века... Впрочем, зачем я пересказываю спектакль — вы ведь его видели?

— И не раз, — говорю, а сама в ответ рассказываю про Виктора Ильича:

— Когда у нас говорят «толкание ядра», то обязательно представляют: так толкал О'Брайен, так — Матсон, так — Зыбина, так — Пресс... Да, все они толкали «так» — традиционно. А вот Виктор Ильич нашел на Дальнем Востоке пареня, который прилично метал диск... Но пылливый Алексеев почему-то увидел в Барышникове больше задатков толкателя ядра... Другой тренер и начал бы переучивать дальневосточника на свой лад. А Виктор Ильич разработал специально для Александра Барышникова способ кругового вращения перед толканием ядра. Алексеев — блестящий аналитик и изобретатель движения — ввел в толкание ядра элементы метания диска... При новом способе на большой скорости резко увеличился путь воздействия массы спортсмена на ядро... Техника нового способа оказалась архитрудной... Она была встречена всеми тренерами в штыки — понятно, почему: нужно было переучивать целое поколение... Алексеев и Барышников шли впереди и устанавливали рекорд за рекордом страны... Потом они стали переписывать таблицу европейских и мировых достижений...

— Но упаси бог, — говорит Товстоногов, — заставить сразу тренеров повсеместно вводить стиль Алексеева — Барышникова... Ведь этот способ требует глубочайшего изучения, а иначе можно дров наломать...

Последний раз я была в театре у Товстоногова на спектакле «Счастливый день несчастливого человека».

Позднее я рассказала о товстоноговском спектакле своему хорошему товарищу драматургу Зорину:

— Представляете, какая тема!

Но Леонид Генрихович почему-то не прореагировал на мой рассказ...

Зорин сидел грустноватый. Он сказал лишь одно:

— Бывает и так...

Наконец я догадалась: сегодня Тигран Петросян про-

же мешало. (В практической игре иной раз лучше не представлять в полной мере степень риска).

— Да и в жизни лучше не знать всего, — засмеялся я.

— Вот видите, мы сегодня оба в философском настроении, — улынулся Зорин. — Но мне хотелось бы сейчас записать свои впечатления от сегодняшнего дня. И самое главное, что я вынес из этого матча: Петросян еще не сказал своего последнего слова. Но что бы ни ждало его в дальнейшем, Тигран Вартанович уже вошел в историю шахмат и навсегда вписал в нее свое имя. Успехи показывают, что ты можешь, а неудачи — чего ты стоишь.

Нет, нельзя не сознаться, что жизнь устроена мудро, и если она порой заставляет платить за радости, то за горести она одаряет сама. Одаряет душевным богатством и мудростью.

Ибо победы делают нас счастливее, а поражения — человечнее.

С Леонидом Генриховичем мы встречаемся нечасто. Иногда он позвонит:

— Освободите вечер в четверг — у вахтанговцев премьера моей пьесы...

Я побывала на всех премьерах пьес Зорина. Особенно приятно было узнать, что мой любимый драматург написал сценарий «Секундомер». Когда я прочтала его, то прежде всего подумала:

— А кто из режиссеров может поставить фильм?.. «Секундомер» — это вовсе не фильм на спортивную тему... Что главное в материале, который Зорин предложил кинематографистам? Главное — это, конечно же, душа человека, который в этом сценарии оказался спортсменом... Драматизм спорта для Зорина очевиден. Драматург понимает спорт, бывает на многих соревнованиях; шахматных турниров и футбольных матчей он, кажется, вообще не пропускает.

Читая сценарий, я представляла, как трудно будет снять фильм «Секундомер». И мне было очень радостно прочитать в «Правде» рецензию на картину моего друга: «Где-то в середине игры Сергей чувствует физическую усталость. Гулко стучит в ушах секундная стрелка хронометра, а у кромки поля появляется Гена Белкин, вышедший, чтобы сменить его, Сергея Лаврова, в том матче и... футболе. Для героя фильма в этот момент наступает расставание не